

диакон Андрей Кураев,
профессор Московской духовной академии

Культура теологической мысли как часть образовательного универсума

Умеете ли Вы читать?

4

Как в былые времена, так и сегодня у России есть некоторая недобрая уникальность в семье европейских стран: среди них она является единственной, где богословские науки не входят в круг университетского образования. И вот перед нами стоит вопрос: в каких формах вообще возможно присутствие православного богословия в рамках светского университета?

Впрочем, для начала необходимо сказать несколько слов о том, что такое современное богословие. Смысл термина «богословие» серьезно изменялся за века его существования, и не всегда даже церковные люди обращают на это внимание. Когда-то, если верить отцу Александру Шмеману,

само слово *θεολογέω* означало «песнословить», «воспевать Господа». Позднее авва Евагрий сказал знаменитую фразу: «Кто истинно молится, тот истинный богослов». Но со времен аввы Евагрия прошли столетия, и за это время богословие стало скорее наукой, чем просто опытом духовной жизни. И сегодня очень важно помнить, что когда мы стучимся в двери светских учебных заведений — будь то школа или университет, — мы идем туда не с формулой аввы Евагрия и не для того, чтобы школьников и студентов обучать истинной православной молитве.

Сегодняшнее богословие, в том числе и преподаваемое в стенах духовных академий, по своей методологии, по предмету своего исследования, по процедуре доказательств и опровержений — это

обычная гуманитарная наука. В общем, богословие изучает то же, что и большинство других гуманитарных наук, будь то история, культурология или психология — тексты. Мы учимся читать. Для этого надо старательно трудиться не только в первом классе школы, но и всю жизнь. Московской семинарии я благодарен в первую очередь именно за то, что она заново научила меня читать. В Университете, скорее, надо было прочитывать, проходить. В советские времена даже на классику учили смотреть сверху вниз: «Гегель шел, но не дошел, Герцен понял, но недопонял. А мы, конечно, самые умные, белые, пушистые, коммунистические и сверху на всех остальных посматриваем». И только оказавшись в стенах Семинарии, я впервые встретился с совершенно другим отношением к книге. Оказывается, есть Книга, которая заведомо умнее, выше меня. Если я в ней что-то недопонял, то это моя проблема, а не проблема этой Книги. Мне нужно самому подрасти для того, чтобы ее понимать.

Логика «стремительного домкрата»

Культура чтения предполагает в том числе и такую странную процедуру, как реконструкция хода мысли автора. Казалось бы, зачем? Лучше автора его мысль не передашь. Для чего же тогда реконструкция: культурологическая, психологическая, историческая, логическая, текстологическая или какая-то еще? Но проблема вот в чем: у каждого из нас есть свои зоны слепоты и есть свои зоны очевидности. И именно последние нуждаются в особенно внимательном отношении. Очевидное для одного человека на основании его личного опыта и культурного окружения может быть отнюдь не очевидным для другого.

Я очень благодарен первому богословскому редактору в моей жизни, главному редактору журнала «Альфа и Омега» Марине Андреевне Журиной. Когда я приносил для журнала свои первые статьи, ее излюбленным замечанием было следующее: «Отец Андрей, здесь у Вас работает логика „стремительного домкрата“. Первая фраза понятна, вывод верен, и я в общем-то догадываюсь, как Вы перешли от первого ко второму. Но между ними хорошо бы вставить еще два-три абзаца, чтобы не только мне было понятно».

Не у всех писателей древности и даже святых Отцов были такие хорошие редакторы. То, что было очевидно и логично для них, а посему не было объяснено и «разжевано», — именно это нуждается в переводе на язык нашей современной культуры. Поэтому умение читать тексты, тем более возникшие в иных традициях, — это искусство, которым нужно овладевать всю свою жизнь. Богословие здесь использует все те методы герменевтики, интерпретации текста, которые приняты в современных гуманитарных науках.

Отличие может быть только в одном. Есть то, что является лишь пожеланием в светской науке, но становится гласным и формальным требованием в науке церковной. В мире филологов и историков лишь рекомендуется любить предмет своего исследования, и на защите кандидатской по Пушкину никто не потребует присяги в пожизненной любви к поэзии Александра Сергеевича. Тем не менее все понимают, что лучше не прикасаться к Достоевскому, если ты на самом деле являешься тайным поклонником Льва Толстого. В Православии это неформальное пожелание становится вполне формальным и обоснованным. Ты должен любить то, что изучаешь: мир истории Церкви, мир Священного Писания, мир святых Отцов. Исследователь должен стремиться прикоснуться к тому экзистенциальному опыту, который является базовым и исходным для тех людей, чьи тексты он изучает.

Фабрика силлогизмов

Богословие рационально. Но рациональность определяется не материалом, а методом исследования, методом обработки этого материала. Еще у Гете сказано:

В мозгах, как на мануфактуре,
Есть ниточки и узелки.
Посылка не по той фигуре
Грозит запутать челноки.

Наше мышление — это некий конвейер, фабрика силлогизмов, которая работает одинаково и у светских ученых, и у церковных. Все зависит от того, какой материал закладывать в конвейер: если в линию консервирования заложить огурцы, то на выходе получишь банки с консервированными огурцами. Если заложить помидоры, в конце той же самой линии получишь консервированные помидоры. От человека зависит, какой сегмент человеческого опыта он будет исследовать: религиозный опыт, или экономический, или какой-то иной. Культура логического мышления потребует одна и та же. Так что теология — это модус присутствия логики в иррациональном мире религии.

Современная университетская культура гораздо более терпима, нежели культура XIX столетия: тогда в образованном сословии считалась научной — а значит единственно верной — только математическая парадигма мышления. Сейчас образованный человек должен быть полиглотом, владеть несколькими языками. Я говорю не об итальянском или суахили, речь о том, что сегодня образованный человек должен владеть и языком естествознания, и языком компьютерной техники, и языком поэзии и мифа, и языком богословия, и языком философии. Это разные языки, но человек современной культуры должен

6

владеть всеми этими языками, понимать своеобразие каждого из них. Современная культура научилась понимать, что рациональность может быть разной. Рациональность мифа одна, рациональность психологии — другая, рациональность философии — третья. И все они отличны от рациональности формальной логики и математики.

Философ перед молодыми инквизиторами

Следующий мой тезис состоит в том, что в университете богословие неизбежно превращается в философию. Здесь необходимо пояснить термины.

Философия — это особый регистр работы человеческого сознания. Этот регистр совершенно отличен от регистра деятельности пророка. Человек, вещающий истины от имени некоего сакрального авторитета, которого он ощущает за своей спиной, не обязан заботиться об аргументации и убедительности своих слов. Совершенно иная ситуация у философа: как частный мыслитель он представляет свое собственное мнение, и поэтому изначально открыт для критики, знает, что с ним могут не согласиться, и потому ищет рациональные аргументы. Именно в этом смысле богословие, оказываясь в среде светского университета, неизбежно превращается в философию: оно должно искать логические доводы.

Когда я листаю дореволюционные курсы, которые читали в духовных академиях, и сравниваю их с лекциями на те же темы в университетах, меня всегда удивляет, что более интересными и живыми оказываются именно университетские церковно-исторические и богословские курсы,

а не академические. Причина понятна, за 13 лет своего преподавания в Университете я ее очень хорошо прочувствовал. Представьте себе аудиторию, в которой сидят ребята с разных факультетов: физики, математики, биологи, филологи, историки... Эти люди не обязаны слушать мои лекции, не обязаны на них ходить. Это на самом деле собрание молодых инквизиторов, они только и ждут возможности, чтобы вступить в полемику и сказать: «Э, батюшка! Да чего же Вы такое ляпнули, разве можно так говорить? Вы приходите к нам на спецкурсы, там послушайте, чтобы Вам все стало ясно». Преподавание в Университете — именно благодаря тому, что там собраны люди разных научных школ, — учит отвечать за свои слова. Учит крайне аккуратно выходить за пределы своей компетентности, а лучше вообще этого никогда не делать. Учит четко отделять фактические утверждения от личного мнения.

Чем выше забор, тем крепче дружба

Если богословие появится и нормально пропишется в стенах университетов, оно не будет некоей «внеаучной инъекцией» внутрь университетской мысли. Богословие — это не «всеобщая теория всего», оно не претендует на универсальность ни своего метода, ни своего языка. Долгая и сложная история европейской христианской культуры научила нас одному замечательному принципу, который можно выразить словами немецкой поговорки: «Чем выше забор, тем крепче дружба». Это прекрасная формула мирного сосуществования и сотрудничества богословия и науки.

Чтобы этот забор не рушился, преподаватель, приоткрывающий мир православного богословия для светской аудитории, должен четко различать две интеллектуальные процедуры: «объяснить» и «доказать». Доказать означает принудить аудиторию к согласию с определенной позицией, а объяснить — значит показать наличие внутренней логики в той позиции, которую я излагаю. Именно объяснением, а не доказательством будет заниматься любой филолог, когда возьмется рассматривать позицию автора. Надо заметить, что книга становится нам интересна ровно с той минуты, когда она перестает быть очевидной. Читать текст, с которым всецело согласен, скучно. А вот когда в мозгу зажигается красная лампочка и начинается обдумывание: «Вроде бы автор умный человек, а такую чушь говорит... Странно, ведь он же не идиот... С какой же точки зрения он так увидел и оценил эту ситуацию?» — вот тогда и начинается реконструкция логики автора, его позиции, попытка объяснить ее для себя, найти разумное зерно.

Логике мифа, символику обряда, христианские догматы можно объяснить но не доказать. В светской аудитории я могу объяснить, какое значение для нас, православных людей, имеет принцип обратной перспективы в иконографии. Но это совсем не значит, что я доказал, что сакральная живопись обязана быть такой. В мире религии нет ничего бессмысленного, но есть много недоказуемого. Для носителя живой религиозной традиции каждая подробность верования и обряда наполнена смыслом. Задача исследователя — показать этот смысл и перевести его на язык университетской лекции.

Итак, задача университетского преподавателя теологии — более объяснять, нежели доказывать. Хотя ряд тезисов по богословию вполне доказателен в точных терминах светских наук (датировка, установление авторства текста, определение значения какого-нибудь термина в определенном круге текстов и тому подобное).

И самое важное здесь — избежать комиссарства. Я помню замечание одного немца-филолога, изучавшего русский язык и литературу: «Русский язык — необычный язык, потому что во всех европейских языках есть три основные интонации: повествовательная, восклицательная и вопросительная, а в русском есть особая, четвертая — это интонация советской учительницы». Упаси Господь в средней школе, а тем более в университете говорить о нашей вере с такой интонацией.

Бескультурье и его чада

Я хотел бы повторить тезис, что теология — это модус присутствия рационального в иррациональном мире религии. Когда сегодня светские ученые

порой гнушаются контакта с миром богословия, не допуская теологические курсы в рамки светской программы образования, надо понять, чем рискуют эти люди. Любое бескультурье мстит за себя, в том числе бескультурье в области религиозной, религиоведческой, теологической. Теология — это дисциплина мысли, это систематика, которая неизбежно налагает ограничения на вольный полет фантазии. Но если нет ограниченности в чем-то, то нет никакой определенности. Можно вечно стоять на перекрестке, тогда ты не перекроешь себе ни одну из возможностей, но и не реализуешь ни одну из них.

Точно так же и в интеллектуальном мире, и в мире богословия. Если попросить богословие выйти за дверь: «ах эта схоластика, догматика, инквизиция!» — кто останется в классе? Паиньки? Нет, не паиньки. Альтернатива курсу теологического просвещения — это игра непросвещенных религиозных инстинктов. Такое бескультурье будет проявлять себя и в экстремизме, и в диком всеверии.

В среднем два-три раза в неделю я вхожу в стены нового для меня учебного заведения. И, конечно, нередко оказываюсь в ситуации, когда зал на меня смотрит как Ленин на мировую буржуазию: «У нас научный центр, а тут поп приехал! Ну что ты нам можешь сказать?» У меня есть уже наработанный прием для того, чтобы наладить диалог даже с самой враждебно настроенной молодежной аудиторией. Я помню тайную мудрость нашего двора: лучший способ познакомиться — это подражаться. Самая трудная аудитория в таких вузах — девчонья. Девчонки из деревень приехали, чтобы просто немного пожить в городе, им без разницы, что изучать и кем потом работать. Но при этом они считают себя интеллектуальной элитой: все-таки в университете учатся.

И вот этих «ученых дев» я спрашиваю:

— Вы ведь живете вне религии?

— Да, нам до этого дела нет. Мы научная школа!

— Хорошо. Но тогда скажите, девоньки, а сколько у вас в городе приворот стоит?

И ведь случая не было, чтобы они не назвали сумму с точностью до рубля! Пресловутая «нерелигиозность» наших современных университетов — это лишь иллюзия ректората. На самом деле мир реальных студентов — очень религиозный. Увы, религиозность эта порождена бульварной литературой оккультно-магического содержания. В таких условиях отказываться от здравого и систематического изучения европейской и русской традиции религиозной мысли — а это и есть богословие — просто немилосердно.